

Ощепков Игорь Викторович

МОРЕХОДКА

Игорь Ощепков

Мореходка

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Ощепков И. В.

Мореходка / И. В. Ощепков — «Издательство «Перо», 2019

ISBN 978-5-00122-919-3

Читайте увлекательный рассказ о жизни молодого курсанта-первогодка, поступившего в морское училище и мечтающего стать моряком. Однако мечта не дается просто так, на его пути возникают неожиданные трудности, которые не дают ему скучать и заставляют сопереживать читателя. Повесть написана живым языком, легко читается и оставляет неизгладимое впечатление. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00122-919-3

© Ощепков И. В., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Игорь Викторович Ощепков

Мореходка

© Ощепков И.В., 2019

* * *

– Десятки, подъём! – от удара в ухо моя голова летит с одного края подушки на другой, просыпаюсь по дороге.

– Я музыкант, я кулаками не бью!.. – не унимается рыжий.

Ну чё так орать-то... господи, пытаюсь подняться, уворачиваясь от очередной оплеухи. Вижу: «будильник» переключился на моего соседа по нарам, сходу зарядив тому кулаком по лицу. «Наврал, сука!» – краем глаза наблюдаю побудку соседа и потихоньку выбираюсь в проход между нарами.

– Молодые, строимся в проходе, уроды!

Стоит сплошной гул в ушах, весь наш барак в каком-то движении, кругом звуки ударов и стоны «раненых». Несмотря на такую неожиданность и хаос в сознании, в проходе между рядами нар уже наметился строй десятков в одну шеренгу в трусах. Мне страшно. Занимаю своё место в построении. В голове мысль: «Наверное, бить будут... и, скорее всего, всех наших... обнадёживает, что не меня одного». Начинаю ориентироваться: я в середине строя в человек 15–17. Старшаков всего несколько, рыжий с серьгой в ухе, который музыкант, – по центру, остальные – по краям от нас. Далее – короткая речь, смысл которой в паре слов – мы плохо себя ведём, да и вообще!.. Сразу после этого – экзекуция, чтобы усвоили. Шеренгу нашу, трусливую и дрожащую, с обоих флангов начали метелить кулаками куда попало.

Стою. Боюсь. Почему-то начал гадать, с какого края до меня вперёд дойдёт. Дошло справа. Сначала мой сосед по нарам, спортивного сложения парнишка, приняв свой удар в лицо, исчез в темноте между нарами. Я только успел проводить его взглядом – думаю, хорошо, наверное, вмазали... разворачиваюсь обратно и получаю свою порцию в нос... У меня нос слабый, и сразу кровь сильно пошла, закрываю лицо руками и наклоняюсь... а ударчик-то так себе, если честно, ожидал большего.

– Вы, двое! Схватили полотенца – и в умывальник! И бегом сюда, как умоеетесь! – это мне и моему соседу-спортсмену, нам, кажись, повезло больше остальных: из всех носы только нам расквасили.

Умывальники на улице, обычные, как в летнем пионерском лагере. Вода ледяная, температура воздуха, наверное, минус... Стоим в трусах и ботинках, умываемся, изо рта пар идёт, холодно. Назад не торопимся. Перекинулись парой слов. Страшно и холодно, что тут скажешь, вот и дрожишь то ли от страха, то ли от холода. Постояли.

– Ну, пойдём, что ли? Не хватало ещё тут простыть нафиг!

Заходим в барак, побоище уже закончилось, всё стихло. Без лишнего шума устраиваюсь на своих нарах. Чувствую себя побитой маленькой собачонкой. Засыпаю.

Подъём в семь утра. Снаружи холод и туман, вокруг наших барачков грязь, идём по доскам. Привет, умывальник! Чистим зубы – слава богу, мои все на месте – и толпой тащимся на завтрак. Кто-то на ходу курит... Настроение не очень, наступающий день не внушает особых радостей, как и последующая ночь.

Столовка – отдельный барак, там же и кухня. Сегодня – рисовая каша, хлеб с маслом и чай. Нормально. Сидим за длинными столами из досок на таких же скамейках, посуда алюминиевая. Кто позавтракал – сдавай плошки и выметайся без команды! Ещё минут пять на перекур останется и построение.

– Второй барак, строиться! – голос нашего старшины.

Народ помаленьку начинает собираться в стадо...

– Алё, мля! Отцы! Пошевеливаемся! Строиться команда была! – это уже в нашу сторону, для пушей важности.

Старшина Серёга – он из нашего же набора, но уже дембель, не десятка, то бишь, а после армии, то есть человек бывалый и уважаемый. В нашем наборе есть те, кто поступили сюда сразу после школы, после окончания десяти её классов, так называемые десятки или молодые и есть те, кто пришёл, уже отслужив в Вооружённых силах, – дембеля. Понятно, что мы живём здесь в одном бараке. И с нами же живут и старшаки – если одним словом, это третий курс. Всего в бараке человек сорок с небольшим. По неписанному закону нашей «бурсы» (мореходного училища), десятки – это низшая ступень в иерархии. Их задача на первом курсе – совсем не учёба, как оказывается! Их задача – добраться как-то до второго года, попросту – выжить! Ещё до отправки на картошку я уже начал это смутно понимать, но очень не хотелось верить, что это не досадный бзик, а устоявшаяся традиция.

Перетёрли мы меж собой эту тему, порешили: ну раз такая фигня, то принято, будем как-то тянуть ляжку, глядишь – и прорвёмся. Оказать сопротивление желающим особо не нашлось... на данный момент.

Построились в каре напротив своих барачков, их всего четыре. Четыре барака – четыре толпы. Переключка. Мы одеты в старую форму б/у, которую нам выдали перед отправкой сюда: шинели, бушлаты, роба, парадка, шапки, «гады»... всё чёрного и серого цвета, без погон, ремней и эмблем – на фоне барачков, грязи и утреннего тумана это очень напоминает или штрафбат или заключённых. Вот-вот сбудется моя мечта – я почти уже курсант Сахалинского мореходного училища! На мне даже тельняшка настоящая! (Об этом – отдельная история.)

– Шагооом арш!

Чавкаем по грязи и лужам в сторону полей с картошкой. Они недалече, с полчаса ходу. Трактора там уже побывали и картошку всю перелопатили с землёй, нам осталось только её, родимую, из грязи выковырять (или затолкать туда, чтоб не видно было) и при помощи вёдер рассыпать по мешкам-сеткам... Иду себе, сплю по дороге, холодно. Пришли. Поля необъятные – ё-моё! Каждому по рядку до обеда, и по рядку – после. Рядки эти такие, что конца-края их не видно, они скрываются где-то за неровностью поля! Думаю, что картины такие многим по молодости повидать приходилось. Никуда не денешься (влюбишься и женишься) загнулись в позу – и вперёд. Не успел войти во вкус, как тут же новая вводная – кровопивец нарисовался. Сосед по рядку слева из старшаков заявил о себе:

– Слышь, зёма, а чё так медленно?! Давай, зашуршал быстрее! И мой ряд прихватил тоже!

Долговязый такой вихрастый блондин из советских фильмов про комбайнёров... а пригледелся: так и есть – упырь! Короче, до обеда я не успел (тут свой-то ряд одолеть бы, а ещё с такой нахлобучкой... – нет, он тоже, кажись, чего-то делал: больше закапывал да курил) но и возмездия тоже не последовало. Еле доковыляв до конца поля к ужину, я подумал, что главное завтра с этим «комбайнёром» не присоседиться. Он после обеда вообще свалил куда-то, наобещав мне с три короба, если я за него не управлюсь. Ну я и забил на его ряд: поди там разберись под конец дня в нашем бардаке, где чей рядок был! Да и правильно сделал: прокаатило на первый раз. Но всё равно я еле волочил ноги после такого денька с одной мыслью: добраться бы до нар и упасть. Да и жрать очень хочется, даже не знаю, чего больше!

На камбуз из каждого барака ежедневно назначалось по одному дневальному из числа молодых, а командовал парадом дежурный по камбузу, старшак. Дневальные накрывали и убирали со столов и помогали тёткам-поварихам. Приём пищи был всегда в две смены – орава большая. Помимо этого, каждому молодому нужно было не забыть позаботиться о своём бараке, чтобы там всегда были чай, хлеб и сахар, а по вечерам ещё и картошки натереть. Её мы

уже сообща или по очереди чистили и жарили для тех, кому «положено». Вот такая петрушка продолжалась изо дня в день, с вариантами.

Ночка, к нашей радости, прошла без потрясений. Незаметно подползло промозглое утро в виде холода, тумана и ледяной воды из умывальника. Туда-сюда, и после приборки в бараке вываливаемся наружу, на построение. Команды ещё пока не было, прячу руки в карманах бушлата, и тут до меня доходит, что не нахожу в них своих перчаток х/б для работы на поле. Вижу чёрную фуражку командира роты – надо ему сказать, думаю, чтобы мне новые выдали. Пробираюсь.

– Товарищ командир роты, у меня перчатки для работы украли...

Короткая пауза... На меня надвинулось заросшее бородой неровного оттенка и разящее перегаром помятое лицо, больше похожее всё-таки на рожу, комроты и выдохнуло в упор:

– Не украли, а ПРОЕБАЛ!

Собственно, этой жирной точкой разговор и завершился. Эффект, на меня произведённый, был подобен грому или ушату холодной воды на голову. Я был просто поражён, у меня челюсть отвисла, и пропал дар речи: ну никак я не ожидал услышать подобное от морского офицера в столь оголтелой форме! А я-то, идиот, думал: украли! Потрясённый таким оборотом, я на кокой-то момент впал в ступор и затем, глядя невидящим взором, только и смог промямливать непонятно кому:

– Как... проебал?!

Старшина, уса́тый Серега, похлопав меня по плечу, вернул в реальность:

– Да ты не парься! У тебя ПИЗДАНУЛИ, и ты у кого-нибудь ПИЗДАНИ!

Мама дорогая! Да что происходит-то?! Я опять оторопел в шоке... Мои родители – музыканты! Я сам закончил музыкалку и воспитывался на принципах, что материться нельзя, а воровство – так это вообще смертный грех... короче, на любви к прекрасному... и тут на тебе! Получи во всё своё свинячье рыло, холоп!

Прошу прощения за приведённую прямую речь, но при всём богатстве русского языка мне не удалось подыскать слов для замены, чтобы в полной мере передать яркость момента. Сейчас мне это давно уже не кажется хоть сколько-нибудь необычным и заслуживающим внимания, но тогда это вызвало просто взрыв моей картины видения мира. Эта моя картина, надо сказать, вообще не выдерживала никакой критики, трещала по швам и разлеталась в клочья. Я чувствовал себя каким-то недоделанным, который не зная броду полез в воду, сунулся куда не след.

В общем, тырить перчи я, конечно, не стал, на следующей неделе нам выдали по новой паре. А пока пришлось поковыряться в земле голыми ручками... не такая уж катастрофа на общем фоне.

Сентябрь. Здесь, в Тымовском, где мы работали в это время, климат мало был похож на островной или приморский. Скорее он был вполне континентальный. Чуть ли не с каждым днём всё больше чувствовалось, как подступают холода. Вскоре по утрам грязь вокруг уже стала подмерзать, а на лужах норвила появиться первая ледяная корочка... Но так было только по утрам. Уже к обеду солнце хорошо пригревало, и мы стаскивали с себя тёплые бушлаты и шинели, оставаясь в тельниках, а то и вообще загорая по пояс за работой.

К полям я привык, и они больше не казались такими уж необъятными, хотя и приятного там всё равно не прибавилось. Руки, ноги и спина продолжали ныть свою песню каждое утро, после обеда на солнышке напознала сонливость, а вечером асфальтовым катком накатывала усталость. Воскресенье был выходным, это означало, что мы не работали на полях. Зато мы занимались другим интересным делом. Но об этом – позже...

Ночные построения время от времени продолжались, причём они стали протекать более цивилизованно, что ли. Теперь это обычно выглядело так: посереде ночного сна кто-нибудь, кому сильно нужно, орал команду: «Молодые, подъём!» – и мы, сонные, вылезали строиться

между рядами нар. Далее следовала пара-тройка претензий (а в особо торжественных случаях – сразу всё, что накопилось), потом, по «старому доброму обычаю», несколько зуботычин, затем обещание устроить нам «сладкую жизнь», и мы, довольные (кому не досталось), распользались по своим норам. Такая обстановка порождала между нами, десятками, напряженную атмосферу и, как следствие, поиски виноватых за то или за сё между собой. Ну, например, как-то вечером не пожарили картошки – это залёт! Ночью – построение. А потом ещё среди нас разбор полётов, чтобы такого больше не было, и опять кому-то иногда доставалось от своих же.

Рядом с нашим лагерем было животноводческое хозяйство, а при нём молочная ферма... т. е. молоко! Видимо, по своему ещё молодому опыту старшекурсники знали, что там можно по ночам тырить свежее молоко. «По наследству» это стало и нашими еженощной обязанностью. На дело ходили по двое. Настала и моя очередь. Надо сказать, что к тому моменту я уже эволюционировал в окружающей среде и сомнениями долго не терзался. Колхоз – значит, общее, а общее – значит, ничьё! И всё! Лезем с товарищем через забор и бегом к кирпичной стене молочного цеха. Маленькая форточка чуть прикрыта на гвоздик. Влезаем в неё – и мы на месте! Прислушались – снаружи вроде тихо. Сердце моё воробьиное бешено колотится, страшно! Понятно, что я впервые на таком мероприятии. В нашем помещении стоят три здоровенных чана с молоком, сверху они закрываются крышками, снизу у каждого сливной кран. У нас два пятилитровых бидона. Ставим бидоны под краны и открываем вентили. И вот тут-то нас ждал сюрприз, от которого мы чуть в штаны не наделали... Как только бидоны стали наполняться, снаружи послышался приближающийся шум грузовика, который подъехал прямо к нашему цеху, уставился включенными фарами прямо в окна, да ещё давай сигналить как ненормальный! Я испытал жуткий, первобытный ужас! Меня просто парализовало от страха. Снаружи грохочет двигатель, раздаются какие-то крики, в помещении от фар стало светло как днём (ощущение, будто тебя видят насквозь!) да ещё ко всему мы слышим, как дёргают за ручку двери цеха! Ну всё, хана! Ни живы, ни мертвы, мы спрятались каждый за своим чаном. В голове у меня уже милиция, решётка и «не жди меня мама, хорошего сына...» – поступил сынок в мореходку!

Бидончики наши давно переполнились, и молоко охренительно мощной струёй хлещет на плиточный пол. Там уже целое озеро! Закрывать кран... надо закрыть кран – пытаюсь сконцентрироваться хоть на какой-то полезной мысли и изгнать из башки царящий там хаос. Тупо уставился на кран и ничего не могу сделать. Видимо, приложив титанические усилия, я всё же вышел из оцепенения и закрыл чёртов кран. И в это же время послышались хлопки дверей грузовика, он тронулся назад, развернулся и уехал... И сразу стало тихо и темно, будто ничего и не было! Не веря ушам своим, ещё прислушиваемся, стоя посреди молочного озера, тихо так... слышно, как где-то капает вода (или молоко) кап... кап... Рвём скорее отсюда! Форточка... заборчик... Свобода!

В общем, наш «налёт» был последним из целой серии успешных ранее вылазок. Вскоре на утреннем построении всему личному составу довели приказ об отчислении из училища тех, кто будет пойман на ферме, а там усилили охрану (собака появилась), чему мы были про себя несказанно рады. Потом, бывало, мы истерически ржали, представляя лица доярок, которых утром смыло наше молочное озеро... Такой вот глупейший случай приключился. Идиоты, что сказать!

Когда мне пришёл вызов из училища, означавший моё поступление, до Сахалина я добирался поездом. В Хабаровске в мой вагон сели ещё трое ребят, которые тоже поступили в эту же мореходку. Оставалось ехать около двух суток, и за это время я с ними вполне подружился. Они были из Читинской области, из деревни со странным названием Шелопугино. Три таких закадычных друга. Больше скажу: изначально я подавал документы и был принят на судомеханическое отделение, а эти трое были будущими радистами, и когда они предложили: «Давай к нам», – я не раздумывая согласился. Уже по приезду в приёмной комиссии я спросил: есть

ли ещё места на радиотехническом отделении? Как оказалось – есть! И я в три секунды переделался из будущего судомеха в будущего же радиста, таким вот образом по сути решив свою судьбу. Мне было всё равно, какая будет у меня морская специальность, главное – она должна была быть морской, я хотел стать моряком.

Надо ли говорить, что я вполне хорошо относился ко всей этой троице, как, в общем, и они ко мне. В столь специфических условиях одиночкой выжить трудно, всегда легче тянуть нелёгкую вдвоём или в группе, поэтому всегда ищешь, на кого можно положиться.

Ну так вот. Как-то после ужина сижу я в бараке на своих нарах (все десятки жили только на нижнем ярусе), дырку себе на робе зашиваю. И подходит ко мне Лёха (Лёха-жиган – шальной такой парнишка из шелопугинских с кучерявой шевелюрой – нас тогда ещё не остригли) и просит денег «занять до стипухи». Да не просит, а нагло так: дай мол, я знаю, что у тебя есть, отдам!.. Поясню, что на ту пору я чувствовал себя примерно как Красная Армия в сорок первом: каждый день под бомбёжкой, неизвестно, что будет завтра. Моральный дух ниже ватерлинии, среди нас уже появились желающие уехать домой. Многие ещё просто дожидались края и потому оставались в строю. У меня и вправду были деньги – 42 рубля. По совпадению или случайно, но ровно столько стоила дорога до дома на поезде и пароме. Каким-то чудом я сумел их сохранить, хотя все деньги у нас отобрали ещё до картошки. Знакомых на Сахалине, да и вообще на Дальнем Востоке у меня не было, надеяться было не на кого. Эти деньги были как спасательный круг для меня в случае бедствия. А до первой стипендии ещё предстояло дожить не слабо. Я ни за что не хотел ими рисковать. И уж совсем не стоило на меня давить. Сказал же: «Нет!» Далее – короткая пауза, Лёха посмотрел на меня в упор:

– А пойдём-ка за барак, потрешим!

Вышли за угол нашего барака, Лёха – впереди, я – на шаг сзади. Он останавливается (видимо, пришли).

– И о чём ты хотел со мной по... – досказать я не успел – Лёха резко развернулся, и его кулак с разворота прилетел мне прямо в нос.

В мою, блин, многострадальную носяру! Ух, и больно же! И неожиданно как! Хорошо попал, сразу кровь. От удара я отшатнулся назад и закрыл лицо руками. Странно, но почему-то не чувствовал злобы, как и желания дать сдачи. Боялся, скорее всего...

– Ты всё понял? – услышал вопрос.

– Понял!

Он повернулся и ушёл. Не знаю, что там он себе думал о моём понимании, но понял я, что враг это.

В начале десятого класса школы я начал было заниматься в секции бокса. Первый месяц мы прыгали, бегали и отработывали удары на груше, а потом пошли спарринги на каждой тренировке, три раза в неделю. С этого времени я почти каждый раз возвращался домой в испачканной моей кровью футболке. Я быстро узнал на себе и что такое состояние грогги, и эффект от попадания удара в печень. Но чаще всего доставалось носу. Ну, бокс! Чего же вы хотели?! Несмотря на свой явный неуспех, я вовсе не собирался сдаваться, больше того, мне даже многое нравилось. Через три месяца моя мамулька спросила тренера:

– Скажите, он хоть сдачи дать может?

Тренер улыбнулся и ответил:

– Скорее... хочет...

Это была честная оценка. В тоже время я начал бегать по утрам, потому что дышалка моя была – просто атас! Обычный школьный кросс в три километра приводил меня в предсмертное состояние, я еле-еле тащился, финишируя вместе с девчонками. В декабре пришли сибирские морозы за минус тридцать. Получалось, что вечерами я подставлял под удары свой нос, а с утра холодный воздух промораживал его не по-детски. Это продолжалось до тех пор, пока у меня

не начался сильный гайморит. Нос распух так, что, только увидев меня на приёме в больнице, тётка-врач спросила:

– А где нос-то сломали?

Провалявшись около трёх недель в больнице, после прокола и промывки пазух носа, я явился в кабинет врача на выписку, где мне сказали, что при поступлении в лётные, мореходные и военные училища у меня могут возникнуть проблемы на медкомиссии из-за носа. При слове «мореходные» внутри меня всё сжалось... Я забросил бокс и перестал бегать по утрам.

– Ты, наверное, штангой занимаешься? – констатировал усатый мужик-врач на медкомиссии, глядя на немощный торс паренька, стоявшего перед ним.

– Нет... музыкой, – ответил я.

Врач покачал головой и поставил: «Голен». Вот в таком состоянии я и прибыл для прохождения «дальнейших испытаний». Как в том анекдоте про парашютистов:

– Готов?

– Не готов!

– Пшёл!

Десятое сентября, в речку Тымь пришла «красная»! Лосось пошёл на нерест. Никогда ещё не доводилось мне видеть подобного. Речка мелкая, лишь местами по колено, шириной метров в 30–50, катится по камням. И повсюду шуруют рыбы горбы, хвосты, плавники... они толкаются, выпрыгивают, плещутся, и их немерено, просто прорва! Ну ни фигя себе! Хватаю лесину и со всего маху глушу рыбину по горбу. Лесина трухлявая – пополам, здоровенная рыбина утыкается в берег передо мной. Я прижимаю её к своей груди, бегу к нашим, вопя:

– Смотрите! Поймал!

Щенячий восторг от всего этого буквально захлестывает меня! Наши дембеля шкерят рядом в кустах икру.

– Да на кой тебе этот горбыль? Выбрось ты его, в нём же икры нет!

В первое же воскресенье во время хода красной выступаем на реку чуть ли не половиной барака. Десятки в полном составе – обязателька! Наша задача – стоять на шухере (на фасоре, на стрёме) – заучиваю новый лексикон. Ну что за слова! Откуда они появились-то? Но поздно – уже появились... придётся стоять... на них...

Лосось в таких случаях обычно ловят кошками, такими большими крючками на верёвке, которые можно сделать просто из заточенных сварочных электродов. Кошка забрасывается прямо с берега на середину реки и рывками тянется за верёвку к себе... Рыбы прёт так много, что по дороге кошка обязательно какую-нибудь да и зацепит! Если окажется горбыль (так называют самцов из-за большого горба на спине), то его пинками назад, в воду – свободен, а вот самкам тут же вспарывают брюшки, в них – икра. Из-за неё и весь сыр-бор. Понятно, что икру таскали вёдрами!

Речка в паре километров от барakov. В месте, где я стою на шухере, кусты шиповника прямо нависают над водой. Мы стоим, дембеля и старшаки ловят. Ой! Прямо из-за поворота реки – вертолёт! С диким грохотом несётся над рекой чуть повыше деревьев, низко так, на бреющем. Его при таком полёте почти не слышно, пока в виду не появится... Ору:

– Шухер! – и в кусты!

Мог бы и не орать – при таком грохоте и вертолёте над головой это явно лишнее...

Всё стихло, улетел, стоим, все ловят... Часа полтора прошло. Солнышко припекает, в сон потихоньку клонить стало. И тут из-за того же поворота прямо по реке на полном ходу грузовик «Урал» с рёвом и в туче брызг! В кузове – толпа народу, инспекторы, наверное. Орать поздно, они уже почти здесь... мы врассыпную: кто с вёдрами, кто с кошками, кто босиком с сапогами подмышкой. Ветки хлещут по лицу, и кажется, что за мной тоже бегут... Слышу где-то у реки два выстрела, наверное, в воздух палят! Оглядываюсь – никого. Отдышался. Пробираюсь к мостику, как условились. Вот это шухер!

Собираемся. Промысел на сегодня закончен. Идём искать в поселке стеклянные банки под икру. Иду и думаю: «Тогда на молочной ферме я стал вором, а теперь вот ещё и браконьером... Нормально учёба начинается, а?!»

«Красная» шла несколько дней. После ужина обычно продолжались такие мероприятия, но, слава богу, уже без грузовиков, пальбы и вертолётов. Некоторые товарищи даже открещивались от полевых работ, чтобы проводить это время на реке, ну типа – заболел, воспаление хитрости подхватил... Была повседневная суэта с банками (сразу же возник их дефицит), вёдрами, крышками, икрой. Иногда икра портилась и становилась жёсткой, и тогда её приходилось выбрасывать целыми вёдрами! Наш барак (и, мне кажется, остальные не отставали) был похож на заготовительный пункт лососёвой икры. Её делали на продажу в городе и порту, когда вернёмся. Случись тогда какая облава – всех либо выгнали бы, либо пересажали. Скорее всего это продолжалось из года в год, и все, кому надо, об этом знали, но принимали как неизбежное зло, побочный эффект уборки урожая. Иначе кого ж на эту картошку загонишь-то?

Ход горбуши закончился, будто схлынула волна. Везде у берегов речки плавали мёртвые обезображенные рыбины. Рядом росло много колючего боярышника – вкусные, сладкие, прихваченные заморозком ягодки. Я слепил из них шарик и хотел было ополоснуть его в прозрачной воде... макнул, и тут вижу: рядом слева – мертвечина! Перевожу взгляд – они повсюду: и у берега и ближе к середине река несёт мёртвые тушки, как в фильме ужасов. Мои пальцы разжались, и шарик из боярки упал в воду. Бррр! Расхотелось! Задаюсь вопросом: неужели никто из того огромного количества рыбы, которое прошло здесь, не выжил? Ну, может, хоть кто-нибудь, а? Мне было искренне жаль их. Они сделали своё дело и умерли. И всё. И нечего тут жалеть. С такими мыслями бреду через заросли кустов по берегам в сторону лагеря. Слышу – шипение! Неужели змея?! Остановился, ориентируюсь на звук... Кажись, там... Осторожно отгибаю куст – на жухлой траве лежит около десятка рыбин, только теперь это уже не рыба, а кучи белых опарышей, повторяющие силуэты бывших рыб, кишат и издают отвратительный громкий шелест! Я отпрянул. Настолько мерзко, чуть не вырвало... Ходу отсюда!

На следующий день после работы в бараке оживление – всем выдают новые тельники по одному на брата. Среди десятков – слух: мол, нам не положено, и тельняшки у нас заберут старшекурсники. Предвещается ночное построение на эту тему. Чего бы придумать? Ну очень неохота свой тельник какому-то уроду подарить, вот так, за здорово живёшь. Подхожу к нашему ротному старшине Серёге, он дембель. Договариваюсь: якобы он у меня тельник забрал, если чё, чтобы подтвердил. Соглашается, хотя нашим дембелям такое и не положено. Надо сказать, что отношения дембелей и старшекурсников были натянутыми по понятным причинам, и обострять их ни одна из сторон особо не стремилась. Так что задумка моя могла и сработать.

Делёжка была не «по-братски», а «по-отцовски»: «Это мне... это опять мне... а тебе в бурсе ещё один выдадут». Подразумевалось, что там уже с другими делиться будем. В общем, затея моя удалась, причём были и ещё среди нас счастливики.

Настоящая морская тельняшка имела ценник 2 рубля 10 коп. Фишка в том, что конец восьмидесятых был временем тотального дефицита, и в свободной продаже тельняшек просто не было. Здесь, на острове, популярность и спрос на них были впечатляющие. Тельник легко уходил за 25 рублей! При стипендии курсанта в 21 руб. это была ощутимая прибавка. Они выдавались по три штуки на год. Короче, если не удавалось сохранить столь важную деталь морской формы, то молодому курсантику приходилось носить обманку в треугольном вырезе рубы на груди... Да и холодно без тельняшки зимой.

Вообще мне лично право носить тельник не далось просто так. Мне пришлось его своеобразно заслужить. Почти сразу по приезде в училище я слёг на три дня с температурой 38–39 градусов – видимо, была переаклиматизация. В эти дни нам и выдали на складе первые тельняшки. Чуть оклемавшись, я угодил в свой первый наряд по роте дневальным. В дневальные

ставились всегда молодые, по двое на сутки. Со мной в паре поставили парнишку из Москвы, к которому прилепилась одноимённая же кличка. Тогда ещё мы были одеты по гражданке, и выход в город через КПП был свободен. Москва недолго думая напился, забил на службу и завалился спать... Урод! Новенький тельника запрятал – не найдёшь, пока не осмотришься. Жили мы пока в судоводительском корпусе на третьем этаже и дежурство несли там же... Ночь, около двух, сижу на подоконнике у входа на наш этаж, службу тащу. Поднимаются трое в застиранных робах, судя по борзому виду – не первогодки.

– Откуда, зёма? – пахло перегаром.

Отвечаю:

– Из Иркутска.

Вижу – не угадал... Отмудохали меня не по-детски, даже уже лежачего херачили ботинками в живот, в спину и в лицо (я его руками закрывал). Сразу втроём. Страх, беспомощность, подавленность и боль – всё что я чувствовал. А эти не унимаются, тащат меня в кубрик, где дрыхнут напарничек и ещё человек десять с нашего набора.

– Где второй?

Показываю на Москву. Его попробовали будить – бесполезно, в стельку. Раз несколько треснули его, он мычит и матрац на себя натягивает. Один из этих уродов открывает дверцу тумбочки у койки этого Москвы, а там на полке новая тельняшка. Поворачивается ко мне и несёт следующее:

– Слышь, к завтраку этот тельник нам в столовую принесёшь, иначе вообще убьём нах!.. Понял?!

Киваю. Уходят. Остаток ночи я провёл на койке, меня били дрожь и озноб, возможно, снова поднялась температура, а может, просто от страха. Тельце моё несчастное всё болело... ещё бы – на нём живого места не было, привкус крови во рту из разбитых дёсен. Но больше всего донимала мысль: нести или нет? Брать тельняшку Москвы для меня было неприемлемым, даже если он и не узнал бы, кто это сделал. Неприемлемо было просто взять чужое. Отнести свою – тоже не вариант. Я не хотел стать шестёркой, да и не хотел унижаться. Насчёт их угроз сомневаться не приходилось. Меня трясло от страха, приближалось утро. «Пусть убивают!» – решил я.

После завтрака, на который я не пошёл – не очень-то хотелось – прибираюсь в кубрике. Открывается дверь, заходят эти, все трое. Смотрят на меня, держу взгляд, смотрю на них. Пауза затянулась... Спрашивают:

– Всё нормально?

– Нормально!

Разворачиваются и уходят... И всё! Кажется, я сохранил своё лицо и тельняшку. Кстати, несмотря на обилие кровоподтёков на теле и разбитые дёсна, фингалов под глазами не было – повезло.

Первые десятки поехали домой. Сначала уехали двое. Один из них – мой сосед по нарам справа, Андрюха-спортсмен. Настроения нам это не прибавляло. Один из наших, со странным погонялой Клаус, заработал себе фингал под левый глаз, что было в этой обстановке ну очень, очень нежелательно. Наверное, лучше было бы потерять зуб, чем приобрести такую «чёрную метку». Клаус был худеньким высоким парнишкой из-под Пензы, который приехал в бурсу вместе с другом, небольшого роста крепышом. Я видел, как к Клаусу зачастую придирались даже десятки из других барачков.

Офицеры, которые к нам были приставлены, жили отдельно в маленьком домишке. Нашего бородатого Жёлудя мы если и видели, то постоянно разящим перегаром, похоже, тот и не просыхал вовсе. А на то, что там у нас происходило, им и вовсе было плевать. Это было в порядке вещей, норма.

Был среди наших дембелей Вася. Служил он в десантно-штурмовом батальоне. Его так и прозвали: ДШБ. Коренастый такой малый, серьёзного вида, квадратный весь, даже рубашку носил в клеточку. Железные кружки гнул в руке на раз, пятаки (монеты по пять копеек) тоже сгибал пальцами. Бывают же такие! Ну так вот. Как-то раз после отбоя ещё не спим, в углу третьего курса – очередная пьянка, гитара, дым коромыслом – чую, не к добру... И правда, вскоре раздаётся развязный вопль:

– Молодые, подъём! Строиться!

Тут же из другого угла барака:

– Отставить подъём!

Становится интересно, лежим, не торопимся.

– Команда была – подъём!..

И опять:

– Отставить!

Вася встаёт из-за столика у маленького окошка и идёт к этим уродам. Один. Гитара затихла.

– Мы вам говорили, что ночные построения прекращаются?

В ответ:

– Мы тут решаем!

На этом тёрки закончились. ДШБ стоит между нарами, на которых расположились рыжий и компания. Удар ногой рыжему в голову и сразу, с разворота, в противоположную сторону кулаком в морду ещё одному. Оба «везунчика» расстелились на нарах... остальные замерли... тишина...

– Ещё есть вопросы?..

– Да всё, успокойся, после поговорим...

От удара у рыжего из уха вылетела серьга, и он на какое-то время даже отрубился! А неча спецназ злить! С каким удовольствием мы потом обсуждали эту разборку!

ДШБ и так все уважали за его силу и крутой нрав, а после такой расправы он вообще стал нашим героем. На наш вопрос: мол, зачем это ему? – сказал, что этой осенью его младшего брата в армию забрали. «А я, – говорит, – как представил, что над ним там сейчас вот такие козлы издеваются»... Отомстил как мог, стало быть, заочно.

Короче, ночные построения после этого прекратились к нашей несказанной радости. Через четыре дня, к 20-му сентября работы на полях подошли к концу. Бог знает как, мы победили-таки эти бесконечные ряды с картошкой. Кончились они. Всё! «Вставай, вставай, однополчанин, бери шинель, пошли домой...» Ну, то есть в бурсу пора – учиться.

После обеда подошли открытые бортовые ЗИЛки, уезжаем на станцию. Оглядываюсь... День по-осеннему пасмурный, может, дождь будет... Пустые бараки смотрятся тоскливо: двери открыты, болтаются на ветру, в нашем кто-то окошко выстеклил... Что ж, мы тут не скучали. Скоро подошла электричка дальнего следования, оккупировали три вагона, места только сидячие, но мягкие. Расселись. Одеяла, шмотки, казённая посуда, всякое барахло. Места много, я занял диванчик в конце вагона. Ехать с полсутки. Тронулись. Уставился в окно, зырю... люблю поезда.

Я приехал в училище 25-го августа, в свой день рождения. Мне исполнилось семнадцать. В эти дни приезжали все вновь поступившие, или, как нас называли, абитура. А курсантов, которые закончили предыдущий курс и перешли на следующий, ещё не было. Они были в отпусках, по домам, то есть в основном на материке, местных были считанные единицы. Причём модно было приезжать со всего огромного Советского Союза и даже с Балтики и с тёплого Чёрного моря, где своих мореходок пруд пруди. Ладно, я из Сибири, у нас там моря и в помине нет, а эти-то чего? Наверное, конкурс при поступлении там высокий.

Получалось, что на картошку поехали только мы (новый набор) и частично третий курс. Ясно дело, от колхоза все старались отвертеться, закосить. К нашему возвращению весь так называемый личный состав училища уже должен был быть на месте – начинались занятия. Ну, почти весь, за исключением четвёртых курсов – те были в морях на преддипломной практике и должны были вернуться ещё только к февралю. Всё это время на картошке нам обещали, что по-настоящему начнётся, когда вернёмся в училище. Вот все соберутся – и прям сразу и начнётся! Что должно начаться? Многообещающее: «Узнаешь!» А на картошке – так это ж были так себе... цветочки! От этих мыслей меня отвлек кипиш. По вагону пронеслось:

– Медведь!

И все как один кинулись к окнам слева. Ну и я туда же. Ещё было вполне светло, поезд шёл через большой болотистый пустырь, вдалеке виднелся редкий лес. Смотрю, посередине пустыря прямо к проходящему поезду шурует по мху здоровенный бурый медведь! Да ещё целеустремлённо так, поторапливается, спешит через железку перемахнуть позади поезда: давай, мол, не задерживай, разъездились тут! Одним словом, не боится совсем. Местный, полюбому!

Невельск. Утро. Поезд медленно ползёт к ж/д вокзалу. Вот и приехали. На перроне оцепление из курсантов в парадной форме по случаю: белые фуражки, белые перчатки, брючки клёш, воротнички в три полоски наутюжены – стоят касатики, дождались. Тут же замечаю одного: козырёк на глаза надвинул, морда злющая, наверное, и не касатик вовсе, а так... Ух ты! Оркестр! Посередине площадки – офицеры училища, тоже при параде, и за ними духовой оркестр играет торжественный марш. Трубы медью блестят на утреннем ярком солнце, надраены, с чёрными мундирами очень даже смотрится, просто шик! И марш тоже красивый. Кажется, я всегда балдел от духового оркестра – вот куда я пойду, если возьмут. Всё ж музыкалка за плечами и в нотной грамоте разбираюсь. По-честному, не ожидали, что нас так встречать будут, с помпой. Приятная неожиданность.

Тем временем старшина поручает мне и Клаусу нести телек. Кладём его в одеяло (так вдвоём удобней) и выходим из вагона. Старший из офицеров толкает краткую речь: здравствуйте, мол, рады видеть. Оцепление и оркестр остаются на перроне, а мы толпой трогаемся. От вокзала до бурсы предстоит идти пешком с километр. Городок небольшой, буквально зажат между горами и морем, в нём всего два направления – север и юг и по сути одна длинная улица с переулочками и ответвлениями. Есть, конечно, и центральная площадь рядом с бурсой. Пока шли, толпа наша растянулась по всей длине. В районе площади останавливаемся на перекур, Клаус достаёт сигареты, закуривает. Как раз в этот момент подходит к нам встречный борзого вида парнишка в курсантской робе, фуражка под мышкой.

– Здорово, пацаны! С какого отделения?

– С радиотехнического.

– Ааа... радисты? Ну, значит, наши подопечные. Откуда сами?

Отвечаем...

– Откуда бланш? – спрашивает парнишка Клауса, кивая на его фингал.

– Да это свои, за дело...

– Ясно, курить есть?

Клаус протягивает ему открытую пачку, тот берёт оттуда сигарету, закуривает и при этом по-хозяйски суёт пачку в свой карман!

– Ооо... ну шас не обрадуетесь, видите вон того пряника? Не подарок, точно говорю. Если спросит, куда телек несёте, скажете: в пятый кубрик!

Пряник не ударил лицом в грязь. Сразу же, как подошёл к нам, вместо приветствия по-хозяйски схватил несчастного Клауса за подбородок:

– А это чё?! Да ты не ссы, мы симметрию-то наведём! Затем эти наши новые знакомые поздоровались друг с другом за руки. Пряник, выяснив, что мы радисты, ощерился в улыбке:

– А телек куда тащите?

Наш ответ не очень-то его интересовал.

– Короче, несите в третий кубарь. Если чё, скажете: Патрон сказал... Понятно?!

– Ага.

На что тут же предъявил нам претензии первый наш знакомый:

– Не понял! Я же сказал: в пятый!

– Ага...

В общем, поняли, несем и в третий, и в пятый... телек-то, по идее, старшинский... Мы уже было тронулись своей дорогой, как Патрон скомандовал:

– Стоять!

Через застёгнутый воротник у Клауса заметил полоски...

– И вечером тельник занесёшь!

– Дак он же уже не новый...

– А меня не волнует, какой он у тебя. Найдёшь новый!

Ннн... дааа! Похоже, начинается, не успели до бурсы добраться! На ровном месте нарисовались не пойми кто, и сразу такой наезд. Ну, да мы уже привыкшие. Наконец-то подошли к КПП училища. У ворот с якорями на низеньком железном ограждении сидят двое, судя по эмблемам на правом рукаве, – наши, радисты. Увидев нас, встают, один кладёт руку мне на плечо и эдак приветливо:

– Ну, мы вас заждались, пошли с нами! Телек в нашу старшинку отнесёте!

У меня слов нет! А ведь это наилучший выход из ситуации, скажем: телевизор был перехвачен, пускай сами и разбираются. Ну пошли!

В мореходке было четыре отделения: судоводительское, где учились на штурманов, судомеханическое для механиков, электромеханическое, соответственно, для электромехаников (на флоте электрик и электромеханик – это разные квалификации) и радиотехническое для радистов. Для каждого отделения был свой жилой четырёхэтажный корпус: у штурманов – свой, у механиков – свой. Из-за немногочисленности состава радисты и электромехи жили в одном корпусе, только наши занимали 3-й и 4-й этажи, а те – один лишь 2-й. На первом этаже были проходная – КПП (рядом с корпусом были ворота), медпункт, склады обмундирования и помещение, в котором занимался музвзвод и хранились его музыкальные инструменты. Также на территории училища, в центре был камбуз с большой курсантской столовой в одном общем одноэтажном здании, прачечная со складами для белья и, понятное дело, плац для ежедневных утренних построений с подъёмом флага – как же, мореходка и без плаца?! Было отдельно стоящее помещение для спортзала и мастерских. К плацу примыкал главный учебный корпус (ГУК), где сидел начальник с бухгалтерией, отделом кадров и прочей свитой. Там же учились и штурманы. Остальные учебные корпуса были в городе, рядом с училищем: радиотехнический (РТО) – с полкилометра на север, а (СМО) для машинёров – столько же на юг. Всё расположение мореходки было обнесено забором, поэтому выход в город был возможен только через КПП или через парадный вход ГУКа, ну или за камбузом, через щель в заборе...

Нашу учебную 32 роту размещают на третьем этаже. Система нумерации вполне себе проста: тройка говорит о том, что мы из радистов, а двойка означает второй курс. Поначалу в роте было два взвода: 322 и 323, где последняя цифра – просто номер и всё, а две первых рота и курс. На каждом жилом этаже есть несколько больших кубриков, посередине – широкий проход (ЦП) и в конце коридора – туалеты и умывальники. Да, ещё есть бытовка, баталерка и кабинет командира роты. Молодые распределяются в один кубрик. Захожу в большое светлое помещение с высокими потолками (здание-сталинка) и железными койками с сетками, их 15. Пока ещё почти все свободны. Какую же занять? Может, из тех, что у окон? Не, вдруг зимой там дуть будет? Здесь ветра, говорят. У дверей точно не стоит – не хочу быть крайним. Занимаю

посередке у стены. Сижу на разложенном матрасе, интересно наблюдать, как наши пацаны заходят и себе койки выбирают.

Заходит усатый старшина Серёга. Странно, почему-то никто не интересуется судьбой телека: ни те, ни эти... Может, не до него пока? Слышу: команда... Люблю всего три слова я: кино, отбой, столовая! Идём на обед.

Денёк проходит весь в суете. После обеда получили постельное бельё и новую форму на складах целую кучу шмоток. Гражданку мы всю сдали или повыбрасывали. Да какая там гражданка: у меня было старое трико и мастерка, лето же. В роте везде оживлённо, все туда-сюда ходят, чего-то ищут, обживаются. На нашем этаже расселился пока только наш набор, 32-я. Старшаки все живут наверху.

В этот год в нашей мореходке отменили военную кафедру и набор на базе восьми классов. Про восьмёрок – позже. Если раньше выпускник получал здесь диплом и автоматом – звание лейтенанта запаса, то ныне стало по-другому. Кафедру-то убрали, а все примочки остались, и как 18 исполнится – добро пожаловать в ряды Вооружённых Сил. Короче, смысл тот, что всем нам, десяткам, кому через год, а кому уже по весне маячила армия. Получалось, мне через год. Но сейчас это казалось для меня ой как далеко... зато имели значение чисто армейские порядки, устав и всё остальное тяжкое наследие военной кафедры, вместе с неуставными отношениями.

Нашим уже отслужившим своё дембелям вся эта армейская кухня тоже не особо-то нравилась: мол, почему мы должны опять во всё это окунаться в гражданском, по сути заведении? Но ничего не попишешь, не нравится – не ешь. В чужой монастырь со своим уставом не лезут. Кстати, вероятно, из-за сходства с монастырём по составу служащих (только мужской пол) и по чёрному цвету формы мореходки и стали называть бурсами. А то всё бурса... бурса... В нашем городишке курсанты на местном сленге иногда назывались бурсачи.

Про восьмёрок. Эти поступали, понятно, после восьми классов школы на первый курс (десятки – сразу на второй). Соответственно, на каждом из отделений каждого из четырёх курсов были восьмёрки и, начиная со второго, – десятки и дембеля. С отменом кафедры и набора после восьми первый курс как понятие канул в лету. Теперь самыми младшими опять остались восьмерки, уже пережившие первый и перешедшие на второй курс. Ну, и такие как мы, тоже вроде второкурсники, но новички. Яснее ясного, что если они не хотели для себя повторения этапа молодого бойца (потому что в такой системе всегда существует давление от старших курсов – кто-то должен быть крайним), то для них, этих восьмёрок, было жизненно важным указать нам наше место, объяснить, кто в доме хозяин. Хотя по возрасту те были даже младше нашего на целый год да посплочённей и поопытней. Годки, одним словом, на флотском жаргоне.

Остаток дня пятницы прошёл без потрясений, хотя было нечто вроде ощущения затишья перед грозой, а может, это только мне одному так чудилось. Сидели в кубрике, подгоняли по себе новую тёмно-синюю робу. В 22:00 – построение на ЦП на вечернюю поверку, переключку, все ли на месте:

- Иванов!
- Я!
- Петров!
- Я!
- Сидоров!
- ...Сидоров здесь!
- Не понял... не «здесь», а «я»! Ещё раз: Сидоров!
- Я!

И так далее. Переключку всегда проводит дежурный офицер. Закончили. Офицер даёт указания наряду по роте и сваливает домой. А мы – в умывальник и отбой. После десяти вечера для курсантов выход в город был запрещён.

– Рота, подъём! – команда дневального.

Выбегаем наружу на пробежку. Почему-то на зарядке вижу одних только новичков. Видимо, остальные утром постоянно «болеют». За главного – училищный физрук Юзефыч. Суббота. Вообще по субботам занятия были всегда только до обеда, а после него был так называемый аврал: уборка территории, прилегавшей к жилому корпусу, и тотальная мойка и чистка внутри жилых корпусов, на лестницах (трапах), на ЦП, в кубриках, туалетах, везде – с водой, мылом, щётками и швабрами. Занятия начнутся ещё только с понедельника, поэтому вот всем этим мы прямо с утра дружно и занялись.

Часам к двум управились, дальше – свободное время. В город! Небольшими группками по 3–5 чел разбредаемся по округе. Чисто поглазеть заходим в ближайший гастроном-стекляшку. В рыбном отделе вижу краба-волосатика по 1 руб 90 коп за кг, рядом – копчёный терпуг в виде кусков, перевязанных ниточкой, и консервы из гребешков в уксусе в длинных баночках, как из-под шпрот. Для Сибири это всё невиданные деликатесы, а тут – пожалуйста, бери – не хочу! Ну, посмотрели, носом поводили – и будя!

Выходим, руки в карманах, бесцельно слоняемся в направлении севера, там как бы центр. Бродим уже часа три. В городке на улицах много нашего брата – курсантов. Сине-белые гюйсы – так называется воротник традиционной морской формы с тремя белыми полосками по краям – видно издали как опознавательный знак. Не сказать, что мы были рады с ними пересекаться, это могли оказаться товарищи, которые нам совсем не товарищи.

Есть в Невельске памятник погибшим рыбакам, который прямо так и называется. Он сделан из белого мрамора и расположен на взгорке, отсюда открывается неплохой вид на город, порт и море. Мраморный моряк держит в поднятой вверх руке зажжённый фальшфейер, и на каменной белой стеле высечены золотыми буквами несколько десятков фамилий из погибших экипажей. Там такая трагическая история вышла... Ещё в 50-х годах зимой в Беринговом море был свирепый шторм, во время которого погибли аж четыре рыболовных судна, три из которых были с Невельской базы тралового флота (НБТФ), а четвёртое – из Приморья. Говорят, началось сильное обледенение корпуса (что в зимние шторма обычное дело), видимо, обкалывать не успевали, траулер подал сигнал бедствия и опрокинулся. Но с него успели как-то снять экипаж на подошедшее на помощь такое же судно. И с этим получилось так же. И с третьим тоже. Уцелели вроде как один или двое человек. Они выбрались на днище опрокинувшегося, ещё какое-то время державшегося на плаву траулера. Жуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.